№ 9. Цѣна 5 коп.

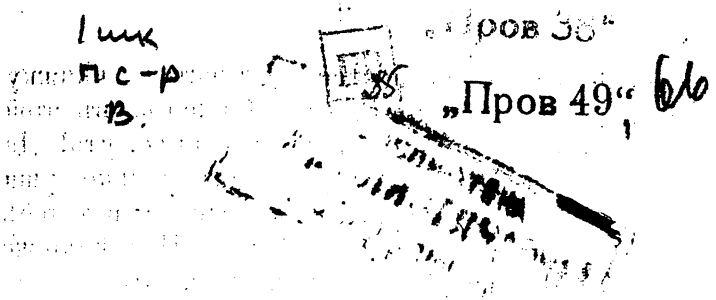

КТО И КАКЪ ДЕШЕВО ДОБЫВАЕТЪ ДЕНЬГИ?

РАЗСКАЗЪ
БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Есть у насъ на фабрикѣ человѣкъ — Степаномъ прозывается. Добрый онъ такой да ласковый, когда со своимъ братомъ, съ рабочимъ обращеніе имѣетъ; ну, а коли, къ примѣру, съ конторщикомъ, надсмотрщикомъ, аль съ самимъ директоромъ схватится — бѣда! Страсть какой зубастый! То-исъ, на каждое слово отвѣтъ найдетъ; да такъ, что другой разъ и начальство-то своимъ отвѣтомъ въ конфузъ введетъ. Ума у него палата — вотъ что! Ужъ у него что ни спроси — на все онъ мастеръ: и словцо сказать, и матерію подвести!

Одно слово — человѣкъ дошлый. Во всякое дѣло вникнетъ, выспроситъ, разнюхаетъ всю подноготную, да ужъ въ тѣ поры только и скажетъ, въ чемъ суть-то вся; а скажетъ — что отрѣжетъ. Опять гдѣ-гдѣ онъ только не перебывалъ, съ какимъ только народомъ не сталкивался! Довелось ему знакомство свести съ барчатами; онъ отъ нихъ грамотѣ, письму и

всякой наукѣ позанялся. Случится, книжку читаетъ; спросишь: что-же, Степанъ, въ этой книжкѣ прописано? А вотъ, говоритъ, что! Да какъ почнетъ расписывать, такъ только уши развѣшивай: внятно таково да толково; всю тебѣ суть-то какъ на ладонь выложитъ. И крѣпко-же любили да почитали его у насъ за это.

Много разговоровъ разныхъ было у меня со Степаномъ о нашей горькой долѣ рабочей, о житьѣ нашемъ маятномъ. Одной такой бесѣды я, кажись, ни въ жисть не забуду. Объ ней-то мнѣ и охота разсказать вамъ, братцы, теперь.

Сидѣли мы разъ съ этимъ самымъ Степаномъ въ трактирѣ, чайкомъ пробавлялись, да разный разговоръ промежъ себя вели.

— А не дурно бы, говорю, еще по рюмочкѣ стукнуть, а то что-то въ горлѣ чешется...

— Не дурно-бъ, говоритъ Степанъ, да только вездѣ-то намъ царь съ дворянами да купцами поперегъ горла становится.

— Да чево намъ до царя да до купцовъ? Свои денежки-то — пей, коли есть...

— А коли нѣтъ?.. То-то вотъ и есть, что ихъ нѣтъ, а вотъ кабы не было купцовъ, да дворянъ, да царя, такъ мы съ тобой и по второй-бы рюмочкѣ сейчасъ выпили!

— Да полно, Степанъ Ивановичъ, кто-же у насъ рюмочку-то отнимаетъ, коли мы ее на свои денежки купимъ?

— Купимъ?.... А на что̀ купишь? Пойми ты, милый человѣкъ, что вотъ, къ примѣру, есть у тебя 5 копѣекъ, такъ ты-бы по настоящему должо̀нъ за нихъ 5 стаканчиковъ выпить, а тебѣ за нихъ только одинъ даютъ. И выходитъ, стало быть, что четыре-то стаканчика у тебя изъ подъ носу вытаскиваютъ.... Значитъ, какъ только ты себѣ стакапчикъ очищенной въ ротъ — хлопъ! такъ сейчасъ возлѣ тебя четыре стаканчика царь, да хозяева, да дворянчики разные, тоже на твои-то денежки — хлопъ!

— Эко̀ диво какое! За что такъ? Вѣдь этакъ-то должо̀нъ и царь, и хозяева, и дворяне все-бы пьяны быть.... Шутка-ли съ каждымъ человѣкомъ по четыре стаканчика выпить! Мало ли народу въ Россіи каждый день пьетъ....

— Въ томъ-то и штука, что они, значитъ, вина-то не пьютъ, а твои денежки въ свой карманъ кладутъ. Понялъ?

— Мудрено что-то, въ толкъ не возьму! Да какимъ же это манеромъ?

— Да очень просто. Имѣетъ казна на каждомъ винокуренномъ заводѣ особыхъ чиновниковъ, которые въ оба, значитъ, глядятъ, сколько вина выкуривается. Ужъ тамъ у нихъ такъ все

прилажено, что лишней и капли-то выкурить нельзя. Механика такая, значитъ, подведена. Теперь, стало быть, ежели заводчику ведро-то водки въ 70 копѣекъ обходится, такъ по настоящему-то стаканчикъ въ розничную всего-бы одну копѣйку стоилъ. Ну, а казна еще съ каждаго ведра АКЦИЗУ по 2 рубли 80 копѣекъ себѣ беретъ; вотъ и выходитъ, что ведро-то 3 рубли 50 копѣекъ стоитъ, а каждый стаканчикъ-то въ 5 копѣечекъ нашему брату обходится. Понялъ машину? Да и то еще не все. Водкой-то всякому торговать не больно даютъ; на то подѣланы кабаки, погреба, да трактиры, а за дозволеніе торговать въ нихъ — подай денежки. Съ разныхъ кабаковъ берутъ теперь тоже разно: платятъ казнѣ и по 140, и по 280, и даже по 550 руб. въ годъ. Тоже и съ другими заведеніями: погреба съ распивочной въ годъ отъ 180 до 950 руб., трактиры — отъ 70 до 350 рублей. Все смотря по мѣсту, гдѣ и какъ, и называется это — ПАТЕНТНЫЙ СБОРЪ, потому эти деньги платятъ за патентъ на продажу водки. Ну, ладно! Теперь, вѣдь каждый кабатчикъ или трактирщикъ, эти деньги съ насъ же, гостей, долженъ взять — не изъ своего же кармана выложитъ. Стало, на мое и выходитъ, что все это ты изъ своего кармана мужицкаго заплатишь...

— Вотъ оно какъ!

— Такъ и есть. Только платишь ты это и самъ того не вѣдаешь. Ну, вотъ бы на соль тоже акцизъ берется по 30 копѣекъ съ пуда. Весь-то пудъ на мѣстѣ всего 2 копѣйки стоитъ, вотъ, къ примѣру, какъ въ Астраханской губерніи — мѣста такія есть; тамъ соль прямо на землѣ валяется — кажись, знай себѣ, собирай да продавай. Анъ нѣтъ, братъ, шалишь! Перво на-перво казна всѣ эти мѣста на откупъ двумъ-тремъ богатѣйшимъ купцамъ отдала, значитъ, чтобъ простой крестьянинъ никакого касательства до нея не имѣлъ, а потомъ — съ каждаго пудика по 30 копѣекъ велитъ платить. Оно выходитъ, что ужъ на мѣстѣ-то, гдѣ соль добывается, за нее, не 3, а 35, аль и всѣ 40 копѣечекъ за пудъ платить приходится. Попала соль въ Москву — ей цѣна ужъ рубль. 30 копѣекъ, скажемъ, за провозъ пошли, а другія-то 3 гривны купецъ себѣ въ карманъ кладетъ. Это, молъ, мнѣ за „труды“, да за „безпокойство“. А и всего-то безпокойства тутъ было — снюхаться съ набольшими чиновниками, чтобы за одно съ казной-матушкой народъ православный обирать! Шуточное ли дѣло пудъ соли съ трехъ-то копѣекъ въ рубль вогнать! А безъ соли, самъ знаешь, не проживешь: хошь плачь, хошь нѣтъ, а ужъ твоимъ денежкамъ царской казны да купеческой мошны не миновать....

Опять и съ табакомъ тоже. Купилъ ты фунтъ махорки аль корешковъ — половина денегъ въ казну попадаетъ. Да такъ само и со всѣмъ прочимъ. До чего ни коснись, что̀ бы тебѣ ни потребовалось: съѣсть-ли, выпить-ли, одѣться аль для дому что̀ — за все про все съ тебя подать слупятъ, и слупятъ „честно“ да „благородно“, потому никто тебя къ ней не неволитъ; есть охота и достатокъ — покупай, нѣтъ — не принудятъ. А и внесешь ты ее, самъ того не вѣдая, ровно какъ бы купецъ съ тебя за товаръ бралъ. Вотъ оттого-то эта подать косвенною и прозывается, что ее у тебя не прямо изъ кармана вынимаютъ, а честно таково, да незамѣтно, ровно какъ жуликъ на базарѣ у мужика мошну изъ за пазухи выуживаетъ....

— Точно, косвенная! хошь, значитъ, заплатишь, а не хошь, не заплатишь; и даешь ты ее, стало быть, не прямо въ казну, а сначала купцу.... Ловко! Только — говорю я — вѣдь это одинъ близиръ, что платишь ее по желанію, а на дѣлѣ-то вѣдь все равно выходитъ, потому безъ соли, да безъ водки, да безъ чего другаго не обойдешься....

— То-то же и есть! Да развѣ только это! Мало ли другихъ косвенныхъ налоговъ, что сразу-то и не попримѣтишь, и не догадаешься, а при нуждѣ-то хошь, не хошь, а заплатишь.

Ну, хоть бы гербовый сборъ за бумагу за гербовую — этотъ видный еще, а все таки, самъ знаешь, паспортъ-ли выправить, въ судъ-ли прошеніе подать или еще что, — надо вѣдь все по формѣ сдѣлать, а, стало быть, безпремѣнно гербовую бумагу купить. А то, вотъ, теперь купцы за гильдію, за право торговли, значитъ, тоже платятъ. Ну, а съ кого все это возьметея? Все съ того же мужицкаго кармана, — вѣдь съ него же, мужика-покупателя, эти деньги купецъ выберетъ. Придетъ, къ примѣру, мужикъ въ лавку. — „Дай, молъ, Трофимычъ, фунтикъ маслица коноплянаго". — Изволь. — „А что за фунтъ-то слѣдуетъ? — Восемнадцать копѣекъ, меньше нельзя. — „Бога ты забылъ, что-ли? за что такъ дорого? вѣдь мы же тебѣ его зимой о Миколѣ по 4 рубля пудъ отдавали!" — Было время, отдавали... Я, братъ, въ казну за гильдію 45 рублевъ плачу, да земству вонъ еще сколько... вотъ оно какъ! — Иной разъ такъ себѣ думаешь: и отчего это всякая вещь подорожала, а того и не понимаешь, что ты тутъ промежь прочимъ и налогъ еще платишь. Да вотъ, къ примѣру: покупаетъ купецъ машину въ Англіи — страна такая есть. Везетъ онъ ее къ себѣ домой, а на границѣ у него пошлину таможенную въ тысячу рублей казна беретъ. Ничего. Пріѣзжаетъ эта машина въ Ярославскую гу-

бернію, начинаетъ на ней купецъ ситцы ткать, а наткавши, продаетъ ихъ люду православному. Покупаютъ ихъ ярославцы себѣ на рубахи, щеголяютъ въ нихъ по праздникамъ, а и не знаютъ того, что они, купивши ситцы-то эти, фабриканту и ту тысячу рублей заплатили, которую онъ на границѣ за машину отдалъ. Ишь, какъ оно выходитъ! А вотъ тебѣ еще примѣръ. Купилъ себѣ богатый мужикъ въ лавкѣ самоваръ. Несетъ онъ его домой и высчитываетъ: сколько пришлось ему заплатить за мѣдь, за олово, за работу, сколько барыша досталось лавочнику; а того ему не въ домекъ, что, можетъ, и за эту самую мѣдь-то, какъ она еще гдѣ-то въ Сибири добывалась, казна уже свое взяла. Это горною податью называется. Приходится такъ сказать, что какую-бы бездѣлицу мужикъ ни покупалъ, онъ хоть что-нибудь казнѣ да платитъ. Конечно, платитъ онъ тутъ по мелочи, всего какіе нибудь гроши — а изъ этихъ грошей и у тебя-то рубли выходятъ, да и казна-то милліоны получаетъ.

Такъ-то платишь ты и за топоръ, и за лопату, и за шапку — за все платишь, ежели только ты покупаешь его въ лавкѣ, а не самъ сдѣлаешь. Да хоть ты топоръ и самъ выкуешь, такъ все равно желѣзо купить должонъ, а съ желѣза тоже горную подать отдать. Одно слово: куда

ни кинь — все клинъ. И все это одно къ одному, братецъ ты мой, выходитъ; все это такъ пристроено, вся механика-то такъ подведена, что фабрикантъ-ли, значитъ, кабатчикъ-ли, купецъ ли подать заплатитъ, а все она въ концѣ-то концовъ изъ мужицкаго кармана вынется.

— Ай да механика! говорю я. Только вотъ что, Степанъ: неужто ужъ господа, дворяне, да купцы, говорю, и водки-то не пьютъ и соли не ѣдятъ, и ситцовъ не носятъ? Все же вѣдь и они что нибудь да платятъ?

— Какъ не платить? Платятъ, милый человѣкъ, платятъ, да только всѣ-то ихъ платежи, ежели съ мужицкими сравнять, такъ сущимъ плевкомъ выходятъ. Вѣдь ты пойми, почтенный, что ежели я и богаче тебя въ десять, аль въ сто разъ, такъ вѣдь отъ этого я не выпью въ десять, аль въ сто разъ больше водки и не съѣмъ въ десять, аль въ сто разъ больше соли. Стало быть, что я, мужикъ, что онъ, господинъ, — оба мы поровну акциза въ казну заплатимъ. По правдѣ-то, оно, конечно, господа больше насъ пьютъ и совсѣмъ понапрасно корятъ только насъ мужиковъ за пьянство. Что мужикъ? Пойдетъ съ горя въ кабакъ, ну, и нарѣжется; много-ли отощавшему человѣку надо, чтобы захмѣлѣть? Идетъ онъ по улицѣ да и шатается. Всѣмъ-то оно и видно. Только вѣдь это съ нами въ годъ

разъ, два бывастъ; ну, а господа, тѣ хоть пьяны-то по улицамъ и не валяются, одначе больше насъ пьютъ. Ужъ это доподлинно извѣстно, что они однихъ заморскихъ винъ втрое больше пьютъ, чѣмъ мы водки. Да столь-же, почесть, коли не больше, они еще и русскихъ виноградныхъ винъ выпиваютъ, да и простое наше хлѣбное винцо тоже, вѣдь, своимъ вниманіемъ не обходятъ. Такъ вотъ, всего-то каждый господинъ али купецъ, почитай, въ десять разъ больше каждаго мужика выпьетъ. Выпьетъ, да потомъ еще и совѣсть имѣетъ его-же ругать: „пьяница ты, молъ, лѣнтяй! оттого ты и бѣденъ, что пьянствуешь!“ — „Нѣтъ, баринъ, — можно ему на эту рѣчь отвѣтить, — не оттого я бѣденъ, что водку пью... Это особъ статья! Ты, вонъ, и въ десять разъ больше меня лопаешь, да все что-то не бѣднѣешь!...“

Разсмѣялись мы съ Степаномъ, да чайку прихлебнули.

— Такъ-то оно такъ, Степанъ! говорю я. Только, вишь-ли, самъ ты говоришь, что господинъ, да богатый человѣкъ въ десять разъ больше мужика пьетъ.... Стало, онъ въ десять разъ больше и акцизу платитъ.

— Ахъ, ты, парень, парень! Да все мужики больше богачей платятъ. Вотъ ты раскинь-ка умомъ. У насъ, на Руси, дворянъ, да купцовъ

съ ихъ женами и ребятами всего-то двухъ милліоновъ не будетъ. Ну, а простаго, чернаго народа, почитай, въ сорокъ разъ больше, то есть, далеко за семьдесятъ милліоновъ. Стало быть, ежели каждый богачъ хоть-бы и въ десять разъ больше питейнаго акциза заплатитъ, такъ все таки весь-то простой народъ вмѣстѣ въ четыре раза больше богачей въ казну отдастъ. Понимаешь, — вчетверо больше! Да и то, вѣдь, это былобъ, если-бы богачи въ десять разъ больше водки выпивали, а то они больше заморское винцо пьютъ, а это особъ статья! Ну, да пускай и много.... такъ, вѣдь это только на счетъ питей, потому что дворяне, да купцы больно пьянствуютъ, ну, а на счетъ соли, аль другаго чего, — тутъ иной разсчетъ.... Ужъ повѣрь, что богачъ не больше соли съѣстъ, чѣмъ мы съ тобой, а то, вѣдь, ему все больно солоно покажется. Неравно повредитъ, — нескусно выдетъ...

— Вѣрно, братъ! какъ есть вѣрно — солоно покажется! говорю я. Опять какъ подумаешь, такъ эта косвенная подать все одно, что подушная, потому и ее безпремѣнно каждый человѣкъ платитъ... Безъ ѣды-то, вѣдь, безъ питья не обойдешься...

— Да гдѣ тамъ, братъ, какъ подушная. Нѣтъ! еще потяжеле будетъ...

Тутъ мы подумали и еще маненечко чайку прихлебнули.

Странна мнѣ показалась эта рѣчь его. — Какъ же это, говорю, ты сказалъ, что она тяжеле подушной подати будетъ?... За что такъ?

— Да за то самое и есть! Понимаешь: подушныя ты даешь за каждую ревизскую душу мужескаго пола, а водка да соль — это другое дѣло. Развѣ бабы, да малые ребята соли не ѣдятъ, али развѣ бабы водки не пьютъ? Иной разъ почище мужика нахлещется! Вѣдь соль ѣстъ каждый человѣкъ, водку пьетъ тоже, почитай, каждый, а стало быть, и акцизъ платитъ тоже каждый. А, вѣдь, подушныя берутъ только съ ревизскихъ, да и то еще безъ бабъ. Стало быть, эта подать выходитъ тяжеле подушной...

— А и впрямь такъ! Пожалуй, что и тяжельше будетъ, говорю... твоя правда!

— Какъ не правда, милый человѣкъ! Это все такъ, кажется, что она легка, потому что платишь ее каждый разъ и не примѣчая даже, что платишь. А она, братъ, не легка! Да что толковать такъ-то, на словахъ; это, вѣдь, сейчасъ можно и на ариѳметику прикинуть. Вотъ смотри-ка: водку мы, мужики, почти что одни пьемъ, ужъ я говорилъ тебѣ, а весь-то питейный доходъ даетъ казнѣ 191 милліона, это все мужицкія денежки. Потомъ съ соли казна

11 милліоновъ получаетъ, да съ купцовъ за право торговли 15 милліоновъ беретъ, — а, вѣдь, я тебѣ говорилъ, что всѣ эти деньги мужикъ изъ своего кармана выплачиваетъ. Теперь пошлины гербовой, да горной, да съ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, да съ горныхъ заводовъ, да за рекрутскія квитанціи, да за паспорты. Все-то вмѣстѣ побольше 48 милліоновъ даетъ. Посчитаемъ, что акцизъ съ табаку, да съ сахара, да доходъ съ писемъ, да другіе разные все одни дворяне, да купцы платятъ. Хотя всякій, вѣдь, знаетъ, что и мужикъ подчасъ и куритъ, и письма пишетъ, и сахарокъ грызетъ. Ну, да ужь богъ съ ними, — скинемъ со счета эти 16 милліоновъ, потому что и баре, вѣдь, по дорогамъ ѣздятъ, и водку пьютъ и соль ѣдятъ. Видишь, Андрей, какъ я ихъ руку держу при счетѣ. Пускай не жалобятся, что въ мужикѣ правды нѣтъ. Даже сверхъ всякой мѣры для ихъ благородій скидки дѣлаю. А и за всѣмъ тѣмъ выходитъ, что за соль, за водку, за паспорты, шоссейныя и желѣзныя дороги, да за гербовую пошлину казна съ однихъ крестьянъ, почитай, 240 милліоновъ рублей получаетъ. Вотъ ты теперь и примѣняй барскій платежъ къ крестьянскому — 16 милліоновъ и 240 милліоновъ!

Ежели теперича положить, что всѣхъ-то насъ, мужиковъ съ мѣщанами, на Руси 70 милліоновъ,

то, стало быть, каждый человѣкъ долженъ заплатить этимъ манеромъ по 3 рубля 42 копѣйки. А ежели положить, что въ каждой семьѣ 4 человѣка, такъ вѣдь выдетъ, что на каждую семью нашу мужицкую или на каждаго хорошаго работника приходится этого налога больше 13 р. съ полтиной.

— Ахъ ты, сдѣлай милость! Вотъ какъ! одно удивленье—платишь и не знаешь, что платишь... А расчетъ-то вѣдь вѣрный, какъ на счетахъ, — говорю я....

— Да гдѣ вѣрный! говоритъ Степанъ. Мало! Мы барамъ такъ много всего клали, что ежели-бъ они столько ѣли да пили — такъ давно-бы лопнули, да все пьяны бы валялись... Я тебѣ скажу, что этотъ расчетъ божескій; а по совѣсти, такъ мужикъ больше платитъ... Повѣрь!

— Ай, ай! — говорю... Диковиннѣе всего, что платишь и не видишь...

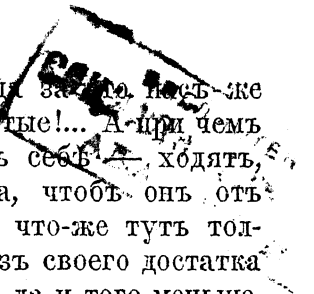
— Да, — говоритъ Степанъ, — вотъ такъ-то мы, мужики, сколько только ни платимъ, а все на судьбу свою не жалуемся. А вотъ на богачей, на тѣхъ копѣйку какую наложи, такъ они во все горло заорутъ, что ихъ грабятъ среди бѣлаго дня.

— Одначе, братъ,—говорю я—эти баре такое разное ѣдятъ, чего мужику, кажись, и въ раю ѣсть не придется... Да вотъ хоть-бы, къ примѣру,

кофей, да шеколадъ, да сласть разная французская, да вина заморскія. Вѣдь все это изъ за моря идетъ. Ужели-же казна все это даромъ пропускаетъ? Вѣдь ежели съ мужика за соль да за водку акцизъ брать, такъ баръ-то ужь и подавно слѣдовало-бы хоть маненечко за всѣ эти сласти пощупать!

— Какъ не щупать, — говоритъ, — щупаютъ. Ужъ повѣрь, казна себѣ не врагъ и гдѣ что можно взять — небойсь, не прозѣвастъ. Она, братъ, и съ мертваго ревизскую сдеретъ, ничего не проститъ. Хоть съ того свѣта подавай. Только, братъ, хоть она тутъ съ баръ и порядкомъ наровитъ взять, да съ нихъ-то не больно поживишься. Это можно сейчасъ на счетахъ показать, потому что деньги на границѣ по счету берутъ и всѣ онѣ въ книги записаны и доподлинно извѣстны. Такъ вотъ со всего-то заморскаго товара казна беретъ таможенной пошлины 60 милліона. И изо всѣхъ этихъ милліоновъ самая, что ни на есть крупная, часть берется все съ такого товара, что мужику потребенъ, а потому онъ за него и платитъ! Тутъ привозятъ изъ за границы все больше машины, что православному люду на рубахи да на платья ситцы ткутъ, да рельсы для чугунки, да косы, да серпы, да топоры, да инструментъ разный, да краски, да соль — ну, одно слово, все такой

товаръ, что его мужикъ или самъ купитъ, или черезъ кого нибудь изъ своего же кармана заплатитъ. Ежели посчитать, что за барскіе товары казна получаетъ, скажемъ, къ примѣру, за сладкія вина, за шампанское, за сласти, да за фрукты французскіе, за кофей, за матеріи барскія, шелковыя да бархатныя — если посчитать все это — такъ противъ мужицкаго-то взноса и совсѣмъ плевое дѣло придется: милліона какихъ нибудь два-три, да и то обочтешься. А дворяне да купцы еще все кричатъ, что высоки, молъ, пошлины на заморскій товаръ, намъ потребный. Ахъ вы, господа, богачи! Чтобъ вамъ пусто было! — Что толковать, что они въ казну платятъ? Ты спроси-ка у нихъ, что они робятъ? Развѣ когда самъ дворянинъ хоть одну десятину вспахалъ? развѣ когда купецъ хоть одну штуку матеріи соткалъ, или привезъ ее изъ дальнихъ странъ? Все вѣдь наши руки крестьянскія сдѣлали. Мы и дома, и палаты каменныя, и церкви златоглавыя построили; мы купцу и матеріи на фабрикѣ соткали, мы ему и фабрику устроили; мы помѣщику и землю вспахали, мы ему и хлѣбъ въ амбаръ ссыпали; съ насъ же они и подати дерутъ, на которыя всѣ дармоѣды живутъ. Мы — все! Все нами держится. Мы всѣхъ поимъ, кормимъ и одѣваемъ. Всѣ нашими трудами живутъ,

нашъ потъ и кровь пьютъ, да за[illegible]-же еще и бьютъ... Черти проклятые!... А при чемъ тутъ баре да купцы? Такъ себѣ — ходятъ, да покрикиваютъ на мужика, чтобъ онъ отъ работы не отлынивалъ. Такъ что-же тутъ толковать, что̀ баре да купцы изъ своего достатка въ казну платятъ? Ничего — да и того меньше. Вѣрно слово! Потому, вѣдь, ежели они что и платятъ, съ мужика-же взято да награблено...

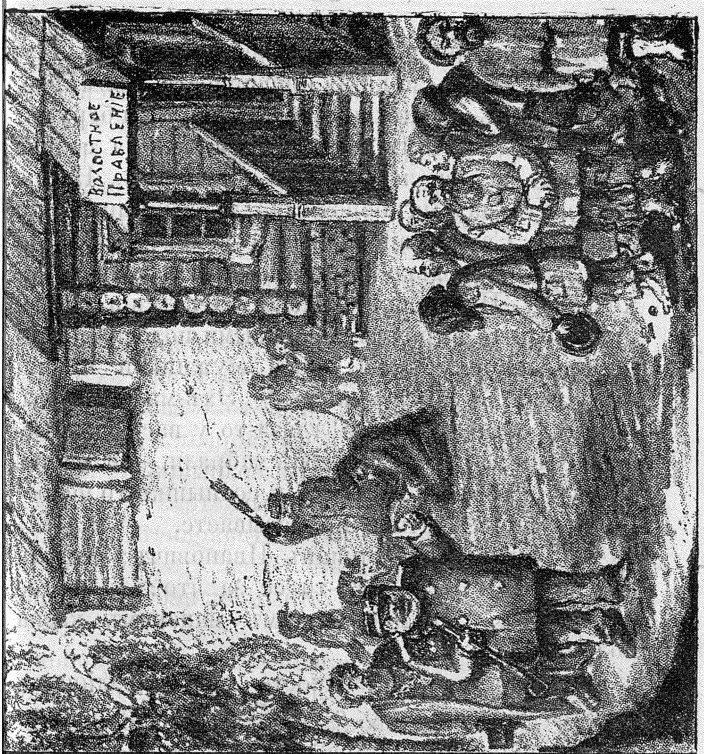
Замолчалъ Степанъ, а слова его точно за самое сердце меня ущемили. Подумалъ я, какъ это нашего брата-то, мужика, всѣ обираютъ, бьютъ, гнушаются, помыкаютъ имъ, а онъ, богатырь, все молчитъ да молчитъ... Эхъ-ма! мощь да удаль молодецкая вонъ просится, руки чешутся... А, вѣдь, настоящую, чистую правду говорилъ Степанъ, — думалось мнѣ...

Долго молчали мы да про себя думу невеселую думали...

— Теперь понимаю, — сказалъ я, — какъ этимъ манеромъ насъ, простаковъ, господа да богачи надуваютъ... Такъ это вотъ какъ! Хитра же механика!...

— Эхъ, парень, — говоритъ Степанъ... Какая тамъ механика? Тутъ и механики-то никакой не нужно. Дневной грабежъ. Стапутъ что-ли бары да чиновники стыдиться, что мужика грабятъ? Эка невидаль! Совѣсть у нихъ, братъ,

барская, прожженная... Безъ росказней берутъ и бьютъ. Давай — и дѣло съ концомъ... Ну, развѣ-жъ это не разбой, да не грабежъ? Пріѣзжаетъ это посредникъ аль становой, за нимъ возъ розогъ. — „Недоимку подавай!“ кричитъ... — Нѣтъ денегъ, батюшка, пообожди! — „Какъ нѣтъ денегъ? Пороть!...“ Ну, и давай ревизовать у мужика то мѣсто, откуда у него ноги ростутъ. Ну, скажи на милость, на что-же это похоже? Вѣдь такимъ манеромъ ежели-бъ въ село и душегубъ какой пріѣхалъ, да силу-бы имѣлъ перепороть всѣхъ, такъ и ему все-бы отдали... На — возьми, уйди только, Христа ради! Ну, и отдашь все, а самъ, какъ знаешь, проживай, хоть кору березовую жри съ тѣхъ розогъ, которыми тебя вчера пороли... Ахъ ты, горе, горе! Какъ вспомнишь иной разъ, — злость тебя беретъ, слеза прошибаетъ... Дьяволы!... А не отдай-ка послѣдній грошъ — сейчасъ весь скотъ продадутъ. Кулаки-то ужь тутъ въ сторонкѣ поджидаютъ да озираются, чего бы за безцѣнокъ скупить можно было... Иной разъ вѣдь такъ и сговорятся энти кровопійцы-то съ волостнымъ, да съ исправникомъ, чтобы въ крутое время міръ поприжать, да потомъ барыши пополамъ..... Такъ-то оно все!.... Ну, теперь продадутъ скотину, такъ чѣмъ-же по веснѣ землю вспахать?... Раззоръ... Одно слово — на-

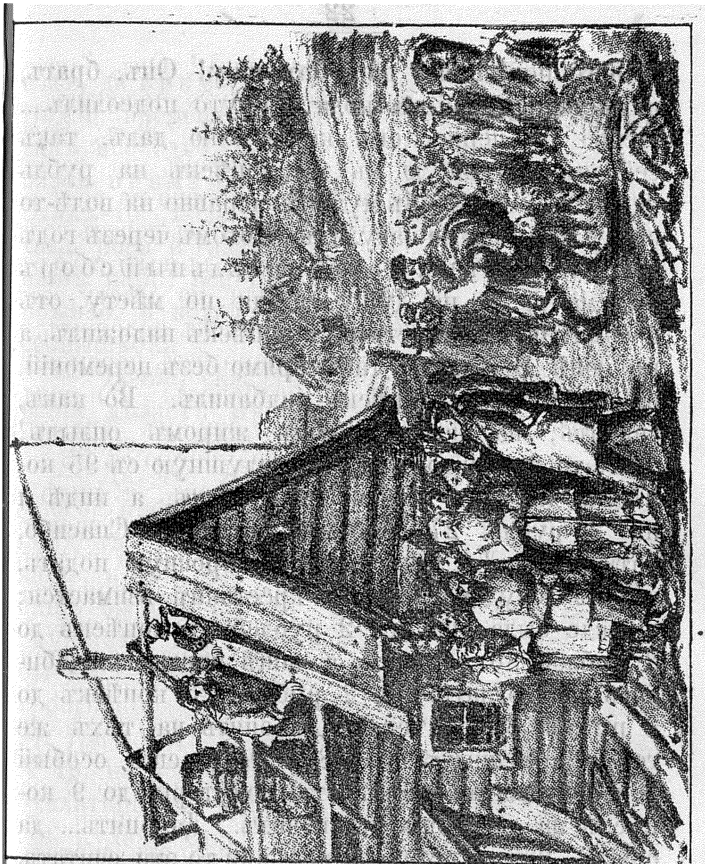
„Недоимку подавай!“ кричитъ... — Нѣтъ денегъ, батюшка, пообожди! — „Какъ нѣтъ денегъ? Пороть!!!“ (Стр. 18).

летитъ и разоритъ, какъ разбойникъ какой. Ну, а скажи, за что, за какія провинности, примѣрно, съ насъ хоть-бы энти подушные-то рубли берутъ? Такъ вотъ... зачѣмъ родился? Зачѣмъ на солнце красное да на ясный день глядишь? Ну, а эти опять разныя оброчныя, да выкупныя, да земскія?. Самъ, чай, вѣдаешь сколько ихъ! Али сказывать, сколько рублей платить тебѣ приходится? Небойсь, — знаешь! Съ души у тебя эти рубли-то вырвутъ, кровавыми полосками эта цифирь на шкурѣ на твоей мужицкой прописывается... Мудрено забыть! Эхъ-ма! эхъ вы, господа богачи да цари! глаза-то у васъ жадные, завидущіе... Все-то вы себѣ забрали, — и землю, и воду, и избу-то нашу, да и солнышко-то ясное! За все вамъ платить приказываете.

— Такъ, такъ, Степанъ Ивановичъ; тяжела эта подать... И берутъ-то ее за что? — чистое беззаконіе!... И много этимъ манеромъ казна получаетъ?

— Малость..... Девяносто пять милліоновъ — вотъ сколько! Это, стало быть, только подушная да оброчная столько даютъ. А называется вся та подать прямою, потому, значитъ, что грабятъ съ тебя не косвенно, а прямо, безъ хитрости безо всякой. Давай, стало быть, да и все тутъ!...

Ну, какъ къ слову, не поблагодарить тутъ

Одно слово: налетитъ и раззоритъ, какъ разбойникъ какой... (Стр. 20).

нашего нонѣшняго царя-батюшку! Онъ, братъ, намъ въ прямой-то подати круто подсолилъ.... Перво на перво, онъ какъ волю далъ, такъ сейчасъ подушную съ 95 копѣекъ на рубль перевелъ. Это чтобъ мужикъ неравно на волѣ-то сразу жиру-бы не нагулялъ. Потомъ черезъ годъ онъ временный дополнительный сборъ выдумалъ, да на душу, глядя по мѣсту, отъ восьми до сорока четырехъ копѣекъ наложилъ, а въ іюнѣ 1873 года, такъ прямо безъ церемоній, на душу по 50 копѣекъ надбавилъ. Вѣ какъ, значитъ, на волѣ мужикъ жиромъ оплылъ! Такъ-то и вышло, что онъ подушную съ 95 копѣекъ да на 1 рубль 30 копѣекъ, а индѣ и на 2 рубля 27 копѣекъ нагналъ. Спасибо, батюшка! Да такъ само и оброчную подать, что съ государственныхъ крестьянъ взимается; прежде была она отъ 2 рублей 15 копѣекъ до 2 рублей 86 копѣекъ; а нонѣ царю занадобилось ее вогнать отъ 2 рублей 25 копѣекъ до 3 рублей 30 копѣекъ. Да опять на тѣхъ же государственныхъ въ 1862 году еще особый дополнительный сборъ отъ полуторы до 9 копѣекъ на десятину установилъ. Да опять... да опять... Языкъ устанетъ копѣйки-то эти считать. Эхъ, копѣйки, копѣйки! и не велика деньга, да вѣдь, это не копѣйка, а потъ да кровь мужицкая, вотъ что!.. И сборы-то эти все дополнитель-

ные, да временные, да долго чтой-то тянутся. Видно, времена-то и долгія и короткія бываютъ, такъ все одно, какъ вонъ выкупные: плати да плати временно цѣлыхъ сорокъ девять лѣтъ. Этакъ-то, пожалуй, пока солнышко взойдетъ, такъ роса и глаза-то выѣстъ. Эхъ ты, батюшка нашъ царь! все-то у тебя, у голубчика, подорожало, и водка, и соль, и земля, да и ясное солнышко!...

— Точно, сказалъ я подумавши, много разоренія дѣлаетъ мужику этотъ прямой грабежъ, то, бишь, прямой налогъ...

— Да что толковать, говоритъ, не то что много, а скоро, почитай, всѣ совсѣмъ по-міру пойдемъ. Никогда ничего въ свое время не продашь, а приходится продавать все за безцѣнокъ, лишь бы отъ розогъ откупиться. А кулаки да скупщики, какъ ястреба, такъ и глядятъ, какъ бы тебя захватить да заклевать. По осени за грошъ продашь, а по веснѣ у того-же кулака въ три-дорога купишь. Вотъ тутъ и богатѣй! А то, не дай ботъ, займешь, — всю жизнь не отплатишься, три шкуры съ тебя помѣщикъ аль кулакъ сдеретъ... А тутъ скотину продали... Земли-то, самъ знаешь, много ли въ надѣлъ дали, да и на нее-то, на кормилицу, глядѣть не хочется... Вся она ужь выпахана — и сѣмянъ-то не родитъ. Сдобрить-то, засѣять — нечѣмъ, —

вотъ тебѣ и разворенье. Броситъ горемыка и землю, и избу, и бабу съ ребятами да и пойдетъ куда глаза глядятъ..... А тутъ ему передъ глазами подрядчикъ, какъ чертъ какой, задаткомъ манитъ... Возьметъ онъ задатокъ, заплатитъ подати и пошелъ на заработки. Поминай, значитъ, какъ звали! Подрядчикъ ему глаза протретъ — будетъ знать, гдѣ Кузькина мать живетъ! Слава богу, если черезъ годъ домой живъ вернется. А за душой-то только блохъ да вшей и принесетъ. Чистый раззоръ! И выходитъ, стало быть, что отъ этого ПРЯМАГО ГРАБЕЖА только кулаки да подрядчики и разживаются, а бѣдняки все болѣ да болѣ бѣднѣютъ...

— Вѣрно, говорю, вѣрно, Степанъ!

Замолчали мы, да опять за чаекъ принялись. Только смотрю — не сидится моему Степану...

— Да вотъ такъ ужъ къ слову, говоритъ, пришлось, такъ поведемъ рѣчь и далѣе. Глянемъ-ка теперича, братъ, хоть однимъ глазкомъ, куда-же всѣ эти денежки наши идутъ? Въ чьи карманы наши кровные гроши ползутъ?

Каждо-годно, вишь ты, казна росписаніе дѣлаетъ, какъ и куда она всѣ деньги дѣваетъ. Отчетъ этотъ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСЬЮ прозывается и завсегда въ газетахъ пропечатывается; вотъ оттуда все и видать, какъ я тебѣ это сейчасъ разскажу. Ну, ладно! Перво на

перво царю 9 милліоновъ рублей каждогодно отпускается. Смекаешь, каково жалованьеце-то? Вѣдь это, почитай, по 25 тысячъ на день выходитъ! На такой доходъ вѣдь съ полъ губерніи круглый годъ прокормить можно! Денежки изрядныя — да на то онъ и царь! Только, братъ, чѣмъ-же онъ намъ за это добро отплачиваетъ? что онъ на деньги на эти выдѣлываетъ? А вотъ, что. Тѣшитъ онъ себя охотами, праздники да пиры устраиваетъ, ѣстъ, пьетъ веселится, да въ каменныхъ палатахъ поживаетъ. Народу онъ нонче рѣдко показывается, потому, говорятъ, боится. Да и есть за что! Ну, такъ спросимъ же его теперича, какимъ онъ добромъ намъ платитъ за эти кровные наши 9 милліоновъ? Ой-ой! страсть сколько добра — растопыривай карманъ!... Вотъ, по началу-то волю далъ, да такую волю, что она намъ вѣ-гдѣ сидитъ..... Землю-то, вишь, намъ больно ужь хорошую нарѣзали, то-исъ, вотъ, хоть паши, хоть плюнь на нее — все единственно. Опосля того онъ намъ поборы увеличилъ, да начальство насажалъ и заказалъ нашимъ отцамъ-благодѣтелямъ — исправникамъ да становымъ, недоимки съ насъ взыскивать, да насъ въ покорности держать. Бей, молъ, мужика да прислушивайся — живъ ли, слушается-ли начальства, да платитъ-ли подати?... Оно и резонъ. Извѣстно, на волѣ

мужикъ жиру нагуляетъ; тутъ съ него больше бери, да бей, чтобы въ покорствѣ былъ, а то неравно затылокъ съ жиру почешетъ, да своимъ умомъ вздумаетъ жить!... Эхъ ты царь, нашъ батюшка! Вѣрили мы въ тебя, вѣрили, да ужѣ чтой-то извѣрились! Живешь ты въ палатахъ каменныхъ, и сердце-то у тебя стало, ровно, каменное! Какъ далъ ты намъ волю, стали насъ господа съ уставными грамотами больно обижать, да и воля-то сама, коли правду сказать, только по названію что воля, потому мы все таки у помѣщиковъ временно-обязанными остались..... Ждали мы отъ тебя настоящей, чистой воли, а вышло тутъ чтой-то неладно: воля-то на волю непохожа. Врутъ, думали мы, — это все дворянскія штуки! Въ тѣ поры вѣрили мы еще въ тебя, а и сколько мы къ тебѣ ходоковъ посылали съ слезными прошеніями, чтобы услышалъ ты плачъ нашъ мужицкій, жалобный..... Чтожъ, услышалъ ты насъ? — Услышалъ нашъ батюшка! Ходоковъ только мы своихъ ужъ болѣ не видали; всѣ они, говорятъ, въ Сибири сгнили, а на насъ, на самихъ, ты свое царское войско съ пушками да съ генералами наслалъ. Ужъ была тутъ воля чистая да настоящая! А и послѣ всего этого мы, дураки, думали, что насъ такъ помѣщики поприжали, что неладно тутъ что нибудь! Да чего неладно? Чего мы ждали? Развѣ самъ-то

царь не помѣщикъ, не баринъ да не фабрикантъ? У него вѣдь тоже свои крестьяне были, что нынѣ удѣльными прозываются. Что-жъ онъ, можетъ, имъ-то ужь, своимъ крестьянамъ, настощую, чистую волю выдалъ? Держи карманъ шире! Онъ имъ такую-же свободу прописалъ, какъ и всѣ помѣщики, потому что и самъ-то онъ помѣщикъ, да еще и самый богатѣйшій, на Руси. У него, вишь, было 14 милліоновъ десятинъ земли, да, можетъ, не одинъ милліонъ удѣльныхъ крестьянъ! А развѣ нѣтъ у него своихъ фабрикъ да заводовъ? Что-жъ, можетъ, тамъ вольготно рабочему? А поди-ка, спроси у него: еще хуже, чѣмъ у другаго хозяина — вотъ какъ! Такъ чего-же мы ждали и ждемъ отъ него, отъ самаго первѣйшаго помѣщика, да отъ самаго богатѣйшаго фабриканта? И по дѣломъ намъ, дуракамъ. Не на кого намъ надѣяться — САМЪ НА СЕБЯ НАДѢЙСЯ!

— Да, что ты — говорю — Степанъ? Ужели таки царь — фабрикантъ? Ужели онъ такимъ дѣломъ пачкаться станетъ?

Только ужъ Степанъ такъ разошелся, что и договорить мнѣ не далъ: такъ и валитъ, такъ и валитъ.

— О-го-го! да еще какой! Поди-ка на его стеклянные да фарфоровые заводы, на его золотые рудники богатѣйшіе! Тамъ-отъ повидишь,

какъ онъ съ нашего брата, фабричнаго, наживается. Да это еще что! Ему мало, что онъ можетъ насъ грабить, сколько душѣ угодно. Онъ закабалилъ на грабежъ и дѣтей и внуковъ нашихъ своимъ бахвальствомъ, да затѣями сдѣлалъ государству долгъ неоплатный... Теперь однихъ процентовъ на этотъ долгъ государственный 108 милліона выплачивается. Ничего? А знаешь ты, что это за штука такая — долгъ государственный? А вотъ гляди! Когда-то царь велѣлъ казнѣ деньги занимать, чтобы за войны да за свои затѣи разныя было чѣмъ расплачиваться; это, братъ, намъ все больше крымская война, честь да спѣсь царская ребромъ вышла. А понимаешь ты, сколько всего долга на нашей шеѣ сидитъ? Страшно выговорить: тысяча семьсотъ милліоновъ рублевъ! Это и знающему человѣку написать трудно, а сообразить и того труднѣе, — такъ оно много! Тутъ, братъ, ежели-бъ казна каждый годъ отдавала все, что собираетъ съ Руси, такъ и то въ три года не расплатиться. А ежели-бъ захотѣлъ царь весь тотъ долгъ сразу заплатить, такъ пришлось-бы каждому жителю безъ малаго 25 рублевъ отдать, а семьѣ человѣка въ 4 надоть-бы 100 рублевъ выплатить! Такъ-то мы всю жизнь должниками и остаемся, да каждый годъ не меньше пяти рублевъ съ семьи будемъ давать, чтобъ только

одни процентики выплачивать. Тутъ, братъ, чистая прорва! За царскую честь да спѣсь будемъ и мы, и дѣти наши, и внуки и правнуки расплачиваться!

— Оказія! говорю; ужли-жъ такъ много? А сколько это такъ на глазъ денегъ было?

— Сколько? Да вотъ слушай! Я намедни еще на фатерѣ у себя этотъ разсчетъ прикидывалъ. Къ примѣру, скажемъ, пусть весь этотъ долгъ будетъ въ серебряныхъ рубляхъ. Видалъ, поди, екатерининскіе да петровскіе крестовики?

— Видалъ, говорю.

— Ну, и пусть всѣ эти 1,820 милліоновъ государственнаго-то долга вотъ такими рублевиками собраны. Какъ думаешь, сколько во всемъ этомъ капиталѣ вѣсу будетъ? Вонъ, въ календарѣ у меня пропечатано, что тысяча серебряныхъ рублей тянетъ безъ малаго 1 пудъ 11 фунтовъ. Я вотъ и прикинулъ, что-же всѣ-то эти деньги вѣсить будутъ; ну, у меня такая тяжесть вышла, что и подумать страшно — два милліона триста тысячъ (2.300.000) пудовъ! Это коли нагрузить всѣ тѣ деньги въ вагоны, по 500 пудовъ каждый, такъ потребуется четыре тысячи шестьсотъ (4.600) вагоновъ. А если-бы всѣ эти вагоны выстроить по чугункѣ въ рядъ, такъ вытянулся бы хвостъ въ 28 верстъ. Ну,

восчувствовалъ ли ты, Андрей, хоть малость, каковъ нашъ россiискiй государственный долгъ?

— Господи ты, боже мой! Да мнѣ-бы этого и во снѣ не приснилось, говорю я. Одначе, кому же эти 94 милліона процентовъ выплачиваются? Ужли есть такіе богачи, что могли столь много денегъ царю занять?

— Простакъ, братъ ты, какъ я погляжу — говоритъ. Конечно, такого богача и на свѣтѣ нѣтъ. Ему заняли всѣ богачи-иностранные да наши русскіе. Это, вишь-ли, вѣ какъ дѣлается. Надѣластъ царь бумажекъ, только не такихъ, что за мѣсто денегъ ходятъ, а эдакихъ особенныхъ, гдѣ прописано: „Заемъ казны“, а цѣна той бумажки назначается 100 рублей, хоть самой-то казнѣ она всего грошъ стоитъ. Ну, теперь кто эту бумажку на деньги купитъ, тому казна ежегодно 5 рублей и платитъ. А покупаютъ ихъ купцы, дворяне, богачи, и они-то, значитъ, ничего не дѣлая, знай себѣ отъ казны процентики получаютъ. Эдакимъ-то манеромъ мы всѣхъ богачей и кормимъ процентами, да не только своихъ, а и заморскихъ.

— Ну, спасибо,—говорю—Степанъ; теперь понялъ. Такъ вотъ какъ оно!.. А скажи, правду ли слыхалъ я, что у казны много денегъ на солдатъ идетъ?

— Третья часть—говоритъ—всего дохода:

190 милліоновъ, — вѡ сколько! Эхъ, солдатики, солдатики! сколько вы хлѣба мужицкаго ѣдите, а и чѣмъ за него платите... Ой ты, царь-батюшка! Мало тебѣ, что ты съ мужика податью выбираешь! Выдумалъ ты еще одну да и самую злую подать — рекрутчину. Это ужъ онъ не деньги съ насъ беретъ; нѣтъ, эта подать кровью да мясомъ мужицкимъ собирается. Тутъ ужъ не надо ему денегъ, — тутъ подавай ему сыновей да братьевъ нашихъ. А сколько слезъ-то изъ-за этого на Руси проливается! Въ однѣхъ потаенныхъ дѣвичьихъ да горькихъ материныхъ можно-бъ всѣхъ вельможъ съ царемъ выкупать! А въ этихъ подневольныхъ отцовскихъ, что капаютъ изъ глазъ стариковъ... Э-эхъ—ма! У меня вотъ тоже братъ въ солдатахъ. Прежде то и ничего парень былъ, а нонѣ и не гляди! Портитъ ихъ царь съ командирами. Держатъ ихъ въ казармахъ, чтобы мужика не видѣли, да сердце себѣ ожесточали. Оттого-то какъ выпустятъ ихъ изъ клѣтки вымуштрованныхъ, такъ они и отца и мать, не моргнувши, зарѣзать готовы. — Я — говоритъ — царевъ слуга, и за царя готовъ жизнь отдать, а ты мужикъ, говоритъ, дуракъ, — вотъ что! — Ахъ ты, звѣрь лютый! Забылъ что-ли, кто тебя кормитъ да поитъ дармоѣда? кто твой отецъ, да мать, да братъ? — Тяжело, братъ, подумать, какъ это

царь да дворяне такъ умѣютъ нашего брата испортить, что въ немъ и человѣческаго подобія не найдешь, что готовъ онъ своего кормильца-мужика и отца и мать зарѣзать, и рука у него не дрогнетъ. Да, тяжело, братъ, какъ вникнешь-то, что мы этакъ сами себя рѣжемъ, грабимъ, бьемъ, и все для того, чтобы нашимъ врагамъ и наши деньги и нашихъ дѣтей отдавать!.. Ну, да подожди; придетъ пора, возьмемся и мы за умъ...

Не любилъ я таковыя рѣчи Степана. Такъ вотъ даромъ только за сердце тебя ущипнетъ. Тутъ бы, кажется, подавай сейчасъ вороговъ, махнулъ бы, и конецъ. А онъ все „подожди, да подожди — говоритъ — настанетъ время, придетъ пора“...

Степанъ помолчалъ, да не утерпѣлъ.

— А куда же всѣ остальныя деньги изъ казны идутъ? спросишь ты. Тутъ ужь, братъ, опосля царя съ солдатами все мелкое воронье налетаетъ ту добычу награбленную расклевывать. Тутъ милліона три разныя важныя птицы расхватываютъ: все сѣдые сенаторы да министры, да вельможи, да генералы важные. Потомъ, 3 милліона послы наши иностранные на бражничество да на пиры забираютъ; 53 милліона идетъ на жалованье губернаторамъ, исправникамъ да становымъ; 14 милліоновъ стоятъ намъ

суды, въ которыхъ мужику правды не добиться; 18 милл. идутъ на гимназіи, на корпуса да университеты, — знаешь, такія нàбольшія школы, — гдѣ только господа, да купцы сыновей своихъ обучаютъ; 25 милліона на флотъ, на корабли; 29 милліоновъ на желѣзныя дороги, отъ которыхъ подрядчики да строители наживаются; 25 милліоновъ на пенсіи старикамъ-генераламъ, да старушонкамъ-вельможамъ, дармоѣдамъ, да царскимъ блюдолизамъ отпускается. За царемъ, говорятъ, служба не пропадаетъ; это только за міромъ, за народомъ она не выгодна: того и гляди — по Владиміркѣ угодишь. Да, такъ-то! Вишь-ты, какъ на наши деньги царь съ господами-богачами орудуютъ? И сыновей своихъ учатъ, и пьютъ и ѣдятъ, старую рухлядь царскихъ слугъ сберегаютъ, и исправниковъ съ губернаторами кормятъ, и корабли съ чугунками строятъ, и все, что хошь для своего удовольствія дѣлаютъ. — Одно слово, нашими денежками, какъ своими собственными распоряжаются.

— Да ужъ именно какъ своими! — говорю. Ну, а что-же, скажи, изъ всего этого мужику достается?

— Мужику? Ну, куда-жъ ему съ его суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Его дѣло — платить, а его ли ума дѣло промежъ

барами соваться, гдѣ его денежки прокучиваютъ... Будь и тому радъ, что твои денежки берутъ, что на нихъ и царь, и дворяне-господа, и купцы и попы сытно ѣдятъ, да въ волю пьютъ!

— Ну, а можетъ, хоть что же нибудь на чужомъ-то пиру и перепадетъ — вставилъ я отъ себя словечко.

— Что-нибудь! — огрызнулся на это Степанъ. Да вотъ всего-то только и есть, что 860 тысячъ рублей на школы на народныя. Много — не облопаешься! На царя — 9 милл., на солдатъ и матросовъ — 216 милл., а на школы — 860 тысячъ!... Оно такъ и слѣдуетъ, а то, ишь, выучится мужикъ, захочетъ своимъ умомъ жить, да еще — сохрани богъ! — объ правдѣ задумается! Его, братъ, косолапаго, въ черномъ тѣлѣ да въ покорности держать надо, а то неровенъ часъ... Хе-хе-хе! тряхнетъ пожалуй...

Пріумолкли мы.

— Такъ то, братъ, такъ то! — говорилъ Степанъ, призадумавшись. — Работаешь ты — съ рукъ мозоли не сходятъ; всю жизнь радости не видишь; дерутъ тебя — на Руси березъ не хватаетъ; плачешь ты въ нуждѣ, ночей не досыпаешь, куска не доѣдаешь, бьешься, какъ рыба объ ледъ, а все изъ чего? Чтобы подати внести. А для кого? за что? На нихъ баре,

да чиновники живутъ, царь пьетъ, гуляетъ, купцы, кулаки наживаются, войско содержатъ, чтобы насъ же, за нашу хлѣбъ-соль, да нашею же рукою бить, да нашу кровь съ потомъ пить... Эхъ ты, горькая жизнь крестьянская! или никогда ты и радостна не будешь?... Таково-то, братъ, невесело. Что-жъ, пойдемъ!

Поднялись мы, побрали шапки и вышли. Тяжело было на сердцѣ. Темныя, нерадостныя мысли въ головѣ были.

— Что пріунылъ, соколикъ! отозвался Степанъ. Небось горько! то-то, братъ... Эхъ! Да подожди, проснется народъ, да скинетъ съ плечъ своихъ выносливыхъ этихъ піявицъ-баръ да кулаковъ, и заживетъ тогда весело, да припѣваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатыхъ тогда не было, потому — заруби себѣ на память — ЧТО ЭТО ВЕЗДѢ И ВСЕГДА ТАКЪ БЫЛО И БУДЕТЪ, ЧТО КТО БОГАТЪ, ДА СИЛЕНЪ, ТОТЪ ОТЪ ПОДАТЕЙ ВСЕГДА БУДЕТЪ ЛЬГОТЕНЪ, ВСЮ ТУ ТЯЖЕСТЬ НА БѢДНЫХЪ НАЛОЖИТЪ. Помни это!

Глупъ я тогда былъ еще, когда мы съ Степаномъ этотъ разговоръ вели. Потомъ ужъ я вникъ въ дѣло-то и всю эту хитрую механику настоящимъ манеромъ разобралъ. Теперь знаю. Правъ былъ Степанъ. Хитрую механику настроили царь съ боярами, да фабриканты съ купцами, чтобы свалить на наши крестьянскія спины всѣ расходы на ихъ барское житье, на ихъ кулаческое пированье.

И таково хитра эта механика, говаривалъ мнѣ Степанъ, что оставь ты въ ней хоть ниточку, сейчасъ, глядишь, вся она выростетъ снова. Прогони баръ, прогони царя, прогони піявицъ-чиновниковъ, оставь только однихъ кулаковъ нашихъ крестьянскихъ, — и оглянуться не успѣешь, какъ у тебя безпремѣнно опять всѣ старые порядки будутъ.

Да, хитрая эта механика. Чтобы крестьянскому люду полегчало, всю ее надо прочь, какъ есть всю. Коли царь да бояре объявятъ какія тамъ ни на есть законы, будто-бы для льготности нашему брату, — это они намъ только глаза отводятъ. Коли богачи да люди властные вздумаютъ передъ народомъ такое колѣнце выкинуть, будто они изъ своей мошны да ему сиволапому помочь хотятъ, — это они его пуще прежняго

къ рукамъ прибрать хотятъ. Нѣтъ и не будетъ добра крестьянству отъ его искòнныхъ враговъ, отъ его мучителей вѣковѣчныхъ.

Вотъ, какъ я хорошенько подумалъ, завелъ я со Степаномъ опять такую бесѣду.

— Скверно, братъ Степанъ, больно скверно. Все-то у нихъ въ рукахъ, у нашихъ враговъ; и войско за нихъ; и деньги у нихъ; и знаютъ-то они куда больше насъ, мужиковъ. Вѣдь, этакъ, значитъ, и не быть никогда добру для крестьянства. Этакъ, значитъ, ничего и не подѣлаешь, — ложись да помирай!

— Ну, ужъ это ты, Андрей, больно пріунылъ. Страшенъ врагъ, да милостивъ богъ. Справиться намъ еще можно.

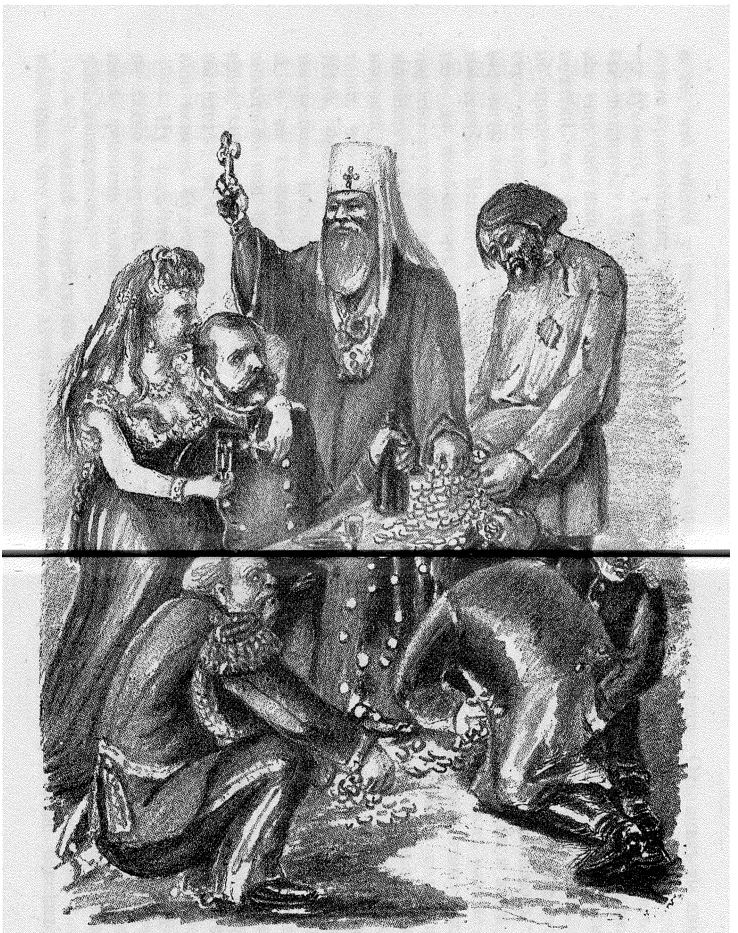
— Куда же намъ, мужичью, да противу такой силищи?

— Да пойми-же, милый человѣкъ, что силища то ихъ вся въ насъ-же, мужикахъ. Ихъ что— горсточка: плюнуть да растереть. А насъ, мужиковъ, большіе милліоны. Ихъ войско-то откуда? изъ нашего же брата. Ихъ деньги-то откуда? изъ нашего-же кармана. Ну, а кабы мужичье-то за умъ хватилось — тогда вѣдь совсѣмъ другая пѣсня вышла. Кабы солдатики то, братья наши, стали на нашу сторону противъ своего офицерства да генеральства; кабы мы, мужики, имъ денежекъ-то платить не стали, да

и то, что отнято у насъ да у нашихъ дѣдовъ этими кровопійцами, у нихъ бы отобрали? какъ ты думаешь, Андрей, много ли у нихъ осталось бы силищи-то? А что они всѣ за одно, такъ это еще бабушка на двое сказала. Они точно, почитай, всѣ противъ нашего брата, мужика, но промежъ собою у нихъ идетъ много воровства да прижиманья. Всякій тоже изъ нихъ наровитъ себѣ отхватить кусъ покрупнѣе да повкуснѣе. Всякій-то наровитъ поднадуть другаго да ообчистить ему карманы. И все-то царство русское держится на воровствѣ да на мошенничествѣ. Вся-то ихъ хитрая механика выросла изъ одного корня: никому не вѣрь; тащи, что сможешь; а совѣсть — къ чорту. Нѣтъ, братъ, коли собрались вмѣстѣ воры естественные, такъ они за одно и быть не могутъ. А и то сказать: правильно твое слово, что знаютъ-то они больше нашего. Ну, да опять таки, коли разсудить, такъ оно и такъ и сякъ выходитъ; да и намъ-то отъ науки, пожалуй, еще помощь будетъ.

— Ну, ужъ это, братъ Степанъ, ты совсѣмъ не ладно говоришь. Всякая такая ихъ наука намъ, темнымъ людямъ, во вредъ будетъ. Это ужъ доподлинно.

— Э, милый человѣкъ, не такой чортъ страшной, какъ его малюютъ, да и палка-то о двухъ

Глянемъ-ка теперича, братъ, хоть однимъ глазкомъ, куда-же всѣ эти денежки наши идутъ? Въ чьи карманы наши кровные гроши ползутъ? (Стр. 24).

концахъ бываетъ. Отъ книгъ-то иныхъ и намъ, пожалуй, еще помощь будетъ...

— Какъ такъ? Я все въ толкъ не возьму...

— А такъ, братъ. Есть такія книжки, гдѣ все писано: и почему богатство на землѣ отъ неправды выросло, и отчего, значитъ, всегда такъ выходитъ, что гдѣ есть богатые, тамъ бѣднаго человѣка безпремѣнно нажимаютъ и обворовываютъ, да что безъ этого имъ и жить невозможно. А что короли да цари тамъ разные только тѣмъ и держатся, что беззаконію этому потворствуютъ, а для того большія войска содержатъ да уйму чиновниковъ разныхъ, чтобы народъ въ страхѣ да покорствѣ соблюдать. Ну, только книжекъ тѣхъ, гдѣ о правдѣ-то на прямки говорится, не много, потому особые чиновники отъ царя поставлены, чтобы крѣпко на крѣпко смотрѣть за этимъ — боятся, значитъ, правды-то! чуть что — сейчасъ запретъ. Вотъ въ этихъ-то книжкахъ вся суть, вся настоящая наука и прописана. Потому-то я и говорю, что та наука, настоящая-то, намъ будетъ въ помощь...

— Эхъ, кабы и намъ ту науку — говорю; только мнѣ все какъ-то сумнительно, чтобы мы, мужичье, могли противъ этой силищи устоять и всю эту хитрую механику на изнанку вывернуть.

— Ну, это, братъ, не совсѣмъ такъ, мол-

вилъ Степанъ. Слыхалъ о Пугачѣ-то? Было это лѣтъ сто назадъ, въ царствованіе Екатерины великой, какъ проявился простой казакъ Емелька Пугачевъ. Объявилъ онъ себя императоромъ Петромъ третьимъ и зачалъ народъ бунтовать. Перво на перво обѣщалъ онъ всякія вольности уральскимъ казакамъ, которыхъ тогда царица притѣсняла, и пошли за нимъ всѣ казаки. Собралъ онъ ихъ и вышелъ противъ царицыныхъ войскъ, взялъ десятокъ крѣпостей, а самое войско въ сраженіяхъ разбилъ. И кликнулъ онъ тогда кличъ на всю Россію-матушку, что даруетъ онъ крестьянству волю съ землею, отъ податей освобождаетъ и всякія вольности дастъ, а собачій барскій родъ вовсе искоренить на Руси хочетъ. Заколыхалась Русь изъ края въ край, и повалилъ къ Пугачу охочій народъ. Собралось къ нему народу можетъ сколько сотъ тысячъ — ажъ всѣмъ ружей не хватило, нечѣмъ и войско кормить было. И пошелъ тогда Емелька на Москву и по дорогѣ, почитай, четвертъ Россіи захватилъ! Взялъ онъ все Поволжье: Самару, Пензу, Саратовъ, — сжегъ Казань, а сколько мелкихъ городовъ покорилъ, — и счету нѣтъ. Много разъ онъ войска царицы разбивалъ, а баръ да купцовъ да чиновничье отродье, какъ сорную траву пололъ. Гдѣ пройдетъ, тамъ, значитъ, и духу барскаго да купецкаго не слы-

хать. Испугались тогда дворяне, испугалась и сама царица; и собрала она все войско, какое только было у ней, и послала его противъ Пугача. Тутъ и сплоховалъ Пугачъ; войско его разбили, самого его захватили, въ Бѣлокаменной Москвѣ казнили, а пепелъ по вѣтру развѣяли, чтобъ самая слава его на Руси пропала. Пропалъ Пугачъ, да не пропала его слава. Такъ-то, Андрей! А и то сказать, что оттого все плохо, вышло, что все Емелькой однимъ держалось, все за нимъ только шло. Кабы сталъ народъ на томъ, что хочу вотъ этого, хочу, къ примѣру, взять себѣ земли да фабрики, не то бы было. Разбивши Пугача, не разбили бы народъ; потому народъ стоялъ бы не за Пугача, а за свои вольности да права, и нельзя бы было весь народъ разбить или вырѣзать. Нѣтъ той силы, чтобы съ народомъ помѣряться могла. Нѣтъ, братъ, какъ пошевелится народъ да подымется разомъ, да будетъ знать, что̀ ему доподлинно дѣлать надо, — тогда пойдетъ другая пѣсня....

— Оно точно. Одначе самъ же ты сказывалъ, что коли царя съ барами и чиновниками прогнать, такъ кулаки опять ту же механику заведутъ и опять все прежнее зло выростетъ. Какъ же отъ этого уберечься?

— А противъ того лѣкарство есть. Надо такіе порядки завести, чтобы не только не было

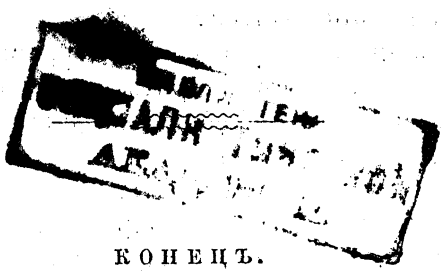
богатыхъ, а чтобы они и проявиться-то не могли. Надо сдѣлать, чтобы земля была ни твоя, ни моя, а общая; чтобы фабрики были не хозяйскія, а артельныя. Небось, кабы земля да фабрики наши были, съумѣли-бы мы промежъ себя все дѣло сѣорудовать. И пошли бы у насъ дѣла такъ хорошо, какъ и не приснится теперь. Надо, чтобы весь людъ православный жилъ промежъ себя, что братья родные; чтобы не было твоего али моего, а все было бы общее — братское; чтобы и трудился-то всякій, не такъ какъ теперь, для себя одного, а со всѣми сообща, каждый по своей силушкѣ, а бралъ бы сколько каждому нужно; чтобы ни у кого ни излишества, ни недостатка не было. Я, къ примѣру, вдвое сильнѣе дяди Ивана, мнѣ и слѣдъ работать вдвое противъ него, а съѣмъ-то я немногимъ больше его, и рубахъ, что ему, что мнѣ — надо столько-же. Тогда нечего мнѣ думать о томъ, какъ бы съ барышомъ для себя свою силу продать, когда у меня есть все, что требуется, и никто не наровитъ моей силушкой попользоваться для своего барыша. Когда всѣ мы братья, то къ чорту барышъ. А если нѣтъ барыша, такъ никто не накопитъ и богатства, супротивъ другаго. Никто у другаго и воровать не станетъ. А безъ воровства — ни баринома не сдѣлаешься, ни кулакомъ не будешь, и разле-

тится тогда, какъ дымъ, все нынѣшнее зло. Одно слово, коли мы, мужики, установимъ промежъ себя братство, то будетъ правда между нами и не будетъ той правдѣ конца...

— Ну, а какъ же нынѣшніе бары, да кулаки да чиновники? они-то, вѣрно, въ то братство не попадутъ? Да ихъ, кажись, братьями-то считать не приходится?

— Нашихъ-то мучителей? Ну, ужъ это само собой. Кто для всѣхъ братьевъ трудился, тотъ намъ и братъ; а лежебоки, да дармоѣды непремѣнно наровятъ другихъ на себя работать заставить; какіе-же они братья? Когда придетъ часъ и подымется нашъ народъ православный, пошлетъ противъ насъ царь войска, станутъ бары съ чиновниками да съ богачами послѣдній рубль ребромъ ставить, чтобы насъ одолѣть да раздавить. Ну, тогда пусть и отъ насъ пощады не ждутъ. И впервые познаемъ мы, что всѣ мы братья, когда всѣ грудью двинемся противъ нихъ, своихъ заклятыхъ враговъ. Одолѣютъ они, можетъ быть, и разъ и другой. Но напослѣдокъ мы таки возьмемъ свое, потому нѣтъ такой силы, чтобы могла всему народу противиться. А когда нашъ верхъ возьметъ, то очистимъ мы Русь-матушку отъ всѣхъ ея мучителей. Тогда свободно намъ будетъ установить наше крестьянское братство, гдѣ не будетъ ни моего, ни

твоего, ни барыша, ни угнетенія, а будетъ работа на общую пользу и братская помощь между всѣми. Хитрой механики мы строить не будемъ — не наше крестьянское дѣло; да и къ чему намъ она? А неправду должно будетъ искоренить до тла, и правду постановить вѣковѣчную. — Такъ-то, Андрей!

КОНЕЦЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1876 г.

Типографія И. С. Барламова, Невскій пр., д. № 212.